

Мир был бы гораздо счастливее, если бы семейные споры были урегулированы во внесудебном порядке

Лидия Юрьевна МИХЕЕВА родилась 17 мая 1971 г. в Барнауле.

В 1993 г. окончила юридический факультет Алтайского государственного университета. В 1998 г. защитила в Томском государственном университете кандидатскую диссертацию по теме «Доверительное управление имуществом в гражданском праве России», а в 2003 г. там же — докторскую диссертацию по теме «Проблемы правового регулирования отношений в сфере опеки и попечительства».

В 1993–2003 гг. — ассистент, старший преподаватель, доцент кафедры гражданского права Алтайского государственного университета.

В 2003–2006 гг. — профессор, заведующая кафедрой гражданского права Российской правовой академии Министерства юстиции Российской Федерации.

С 2004 г. преподает в Российской школе частного права.

В 2008–2010 гг. — заместитель руководителя аппарата Комитета Государственной Думы Российской Федерации по гражданскому, уголовному, арбитражному и процессуальному законодательству.

В Исследовательском центре частного права имени С.С. Алексеева при Президенте РФ начала работать в 2006 г. в должности консультанта. В 2010 г. назначена заместителем председателя Совета (руководителя) Исследовательского центра, с 2019 г. является председателем Совета (руководителем) Исследовательского центра.

Является разработчиком многих проектов федеральных законов, прежде всего в области гражданского законодательства. Доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации.

Член Совета по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства, в настоящее время входит в состав рабочих групп Совета по совершенствованию законодательства о вещных правах, по совершенствованию законодательства о страховании и по совершенствованию положений главы 39 ГК РФ о возмездном оказании услуг.

Член научно-консультативных советов при Верховном Суде РФ, при Арбитражном суде Московского округа, при Министерстве юстиции РФ и при Федеральной нотариальной палате. Участвует в подготовке проектов постановлений Пленума Верховного Суда РФ в сфере частного права.

Председатель Президиума Арбитражного центра при Российском союзе промышленников и предпринимателей (РСПП), арбитр МКАС при ТПП РФ.

Член Высшей экзаменационной комиссии по приему квалификационного экзамена на должность судьи.

Автор более 180 научных трудов, включая монографии и комментарии к актам законодательства.

Заместитель главного редактора журнала «Семейное и жилищное право», член редакционного совета журнала «Вестник гражданского права».

Лидия Юрьевна Михеева,

доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации

— Лидия Юрьевна, Вы являетесь разработчиком проектов многих федеральных законов, призванных адаптировать российское наследственное право к изменениям экономического и социального уклада жизни в нашей стране. В частности, благодаря реформам в отечественном праве появился институт совместных завещаний, наследственный договор, а также положения о личном фонде. Как Вы оцениваете результаты произошедших изменений? Остались ли, на Ваш взгляд, области, которые все еще требуют доработки (возможно, нужен пересмотр концепции обязательной наследственной доли, или введение дополнительных механизмов раздела наследства, или повышение эффективности ответственности наследников по долгам наследодателя)?

— Позвольте прежде всего поблагодарить Вас за приглашение к разговору и за этот замечательный вопрос. Задача преобразований заключалась в том, чтобы сменить саму парадигму наследственного права, сместив его центр тяжести с обеспечения потребностей наследников в сторону интересов, предпочтений и потребностей наследодателя. Уважение к личности наследодателя — лозунг этой реформы, которая стартовала в 2015 году с внесения в Госдуму первого законопроекта и была от начала до конца пронизана частной автономией.

В отечественном правосознании значение наследственного права привычно связывают с феноменом частной собственности. Традиционно задачу наследования сводили в основном к правопреемству, которое позволяет передать имущество тем, кого наследодатель считал своими близкими, а также обеспечивает защиту интересов его кредиторов.

Принято считать, что перечень тех лиц, кто наследует в силу закона, отражает представление законодателя о предполагаемой последней воле всякого физического лица, хотя в действительности этот перечень всегда формировался скорее на фоне определенных социальных задач. Утилитарная социальная задача — обеспечить нуждающихся граждан не за счет казны, а за счет семьи или общины — привела и к тому, что обязательная доля в праве на наследство по российскому праву стала одной из самых больших. За многие десятилетия общим местом стал тезис о том, что нормы наследственного права выполняют социальную функцию.

Между тем с середины 1980-х годов наша страна вступила в мощнейшую социально-экономическую трансформацию, сопровождавшуюся укреплением в обществе индивидуалистских начал. К настоящему времени экономически активные граждане уже прожили стадию первоначального накопления капитала и в их социальном портрете появились разнообразные оттенки — от политических амбиций до меценатских привычек.

Следовательно, социальная функция наследственного права, сложившаяся и обоснованная в те времена, когда советским людям фактически нечего было передавать по наследству, кроме скромных сбережений, отступает на задний план.

Удивительным образом оказывается востребованным другой инструментарий, который позволяет обеспечить исполнение воли умершего за пределами его жизни. Я имею в виду не столько завещательное возложение и завещательный отказ, сколько механизмы, обеспечивающие выполнение волеизъявления наследодателя, — усовершенствованные правила о душеприказчике, о доверительном управлении наследственной массой. Разумеется, к числу важных новелл в этом смысле относится и наследственный договор, который может обязать наследников совершать определенные указанные в нем действия в пользу друг друга или третьих лиц. Система сдержек и противовесов, заложенная наследодателем в структуру отношений между сторонами наследственного договора, может обеспечить контроль за выполнением ими своих обязательств после его смерти.

Одним из важнейших шагов этой реформы стало введение в ГК РФ модели личных фондов (вначале, в 2018 году, посмертных, а с 2021 года и прижизненных). Органы фонда должны неукоснительно следовать заданной учредителем фонда программе действий даже после его смерти, что позволяет надеяться на должное уважение к создателю фонда.

Влияние на поведение других людей и на судьбу своего имущества после смерти может стать не художественным вымыслом, а обыденностью.

Однако, разумеется, реформа прошла не без потерь — первоначальные редакции законопроектов подвергались многократным компромиссным правкам, в результате чего институты наследственного договора и совместного завещания не выглядят привлекательными.

Боюсь, что впереди много работы, в том числе по обустройству процесса ведения наследственного дела, вызова наследников и кредиторов, банкротства наследственной массы.

Нет сомнений и в том, что рано или поздно изменятся правила об обязательной доле. Уже сейчас они скорректированы для случаев создания личного фонда — руководствуясь принципом уважения к воле покойного, признавая частную автономию, законодатель в п. 5 ст. 1149 ГК РФ свел обязательную долю к достойному минимуму. Анализируя также положение дел в сфере алиментных обязательств, я бы хотела предложить закреплённую здесь формулу как общую для всех случаев предоставления содержания: «средства, необходимые на содержание гражданина с учетом его разумных потребностей и имеющихся у него обязательств перед третьими лицами, а также средней величины расходов и уровня его жизни».

— **Завещание, составляемое сразу обоими супругами, встречалось в римском праве, известно странам общего права и странам германской ветви континентального права. Существующие общемировые подходы можно разделить на концепции общих завещаний (*joint will*) и взаимных завещаний (*mutual will*). При этом отечественный вариант можно назвать гибридным. Вопрос о вли-**

янии дефектности волеизъявления одного из супругов, расторжения брака и его недействительности решен в русле взаимного завещания. И напротив, в части безотзывности закон занимает позицию общего завещания (переживший супруг вправе свободно отменить свое завещательное распоряжение). Почему был избран смешанный вариант, а не определенная концепция? Какие дополнительные опции он дал?

— В первую очередь хочу подчеркнуть, что при разработке новых институтов — совместное завещание, наследственный договор, личные фонды — не ставилась задача копирования опыта зарубежных правовых порядков. Он интересен, но не всегда релевантен нашей социальной реальности.

Выработка инструментов, которые были бы востребованы здесь и сейчас, — гораздо более сложная и увлекательная задача. Представить себе разнообразные интересы и чаяния многих людей, которым небезразлична судьба их близких или перспективы главного дела всей их жизни, и подумать о том, какие распоряжения они захотели бы дать на случай своей смерти, если бы закон это позволял, — вот что пришлось делать при подготовке законопроектов.

Совместное завещание в ряду этих новелл планировалось как одна из самых ярких и, возможно, самых востребованных сделок *mortis causa*. По своему замыслу совместное завещание представляет собой брачный договор, условия которого распространяются на случай смерти одного или обоих супругов, поэтому для его содержания характерен тот же (максимальный) объем свободы, который известен брачному контракту.

В этом и состоит концепция совместного завещания по российскому праву, поэтому вряд ли стоит называть его гибридной моделью. Скорее это новая разновидность супружеского завещания, и она была нужна отечественному правовому порядку лишь потому, что он до сих пор исповедует тотальное проспективное обобществление имущества супругов в браке.

В такой модели завещания не нуждается подавляющее большинство правовых порядков, ведь мало где, за исключением постсоветского пространства, встречается та самая общая совместная собственность с ее тяжеловесной вещной составляющей, практически исключающей имущественную обособленность супругов и выравнивание их интересов за счет выплат компенсаций или убытков при сепарации или смерти.

По российскому праву совместное завещание — сделка между супругами, и после открытия наследства за первым из них она порождает права и обязанности для пережившей стороны сделки и для третьих лиц. Сказанное несколько не противоречит п. 5 ст. 1118 ГК РФ, если вы примете за данность то обстоятельство, что на стороне завещателя в этой сделке имеет место множественность лиц (супруги, т.е. члены брачного товарищества).

Как указано в п. 4 ст. 1118 ГК РФ, супруги вправе определить судьбу общего имущества или имущества каждого из них любым образом, если только распределение этого имущества между наследственными массами не нарушит интересов третьих лиц (кредиторов супругов). Следовательно, обобществленная за годы

брака имущественная масса (общее имущество супругов) может быть сохранена без того раздела, который ей предписан абзацем вторым п. 4 ст. 256 ГК РФ. Она может перейти целиком, например, к пережившему супругу или к какому-то из наследников, указанных в совместном завещании.

Людьми подчас руководят весьма нехитрые стремления, в том числе желание сократить расходы своих наследников на оформление наследственных прав, исключить необходимость уплаты ими налогов при последующей передаче имущества. Поэтому для тех супружеских пар, которым брачный договор не понадобился на протяжении многих лет брака при создании общей совместной собственности, может пригодиться брачный контракт на случай смерти, т.е. совместное завещание.

Очевидно, что подавляющему большинству супружеских пар совместное завещание может быть интересно только как способ избавиться от процедуры выдела доли пережившего супруга в общем имуществе супругов. Не исключено, что такие люди будут стремиться передать все общее имущество детям уже после смерти первого из супругов, защитив его интересы путем установления в его пользу завещательного отказа. Многие пожилые люди утверждают, что после смерти своего супруга им уже не нужно право собственности на имущество и они были бы рады лишь проживать в определенном жилище и получать достойное содержание и поддержку от наследников.

Однако в модели совместного завещания немало иных опций. И они состоят не только в перераспределении имущества между будущими наследственными массами, но и в определении круга наследников и очередности их призвания в зависимости от времени смерти и ее обстоятельств. У супругов в этом смысле есть три сценария: первым умрет муж, первой умрет жена, оба супруга скончаются одновременно (п. 2 ст. 1114 ГК РФ). Во всех этих сценариях возможны дальнейшие ответвления, которые могут быть обусловлены различными событиями, обстоятельствами, в том числе поведением наследников. Разумеется, супруги могут предусмотреть и условия о душеприказчиках.

Как и во всех других случаях проявления последней воли, эффективность предложенного наследодателям инструмента зависит только от их прозорливости, от их способности предугадать все возможные последовательности событий, включая наступление смерти кого-то из наследников прежде смерти кого-то из наследодателей.

Увы, хочу признать, что весь этот замысел оказался практически перечеркнутым за счет «права передумать», закрепленного в абзацах пятом и шестом п. 4 ст. 1118 ГК РФ. Введение этих норм в институт совместного завещания фактически стало условием, под которым сам институт был допущен в российское право. Проанализировав все редакции проектов федеральных законов № 801269-6 и № 451522-7, вы увидите, что право супруга изменить свое решение, совершив последующее завещание или отменив совместное завещание, было включено на последних стадиях. Тогда же и в модели наследственного договора появилось право наследодателя «передумать» — совершить односторонний отказ от договора. Односторонний отказ от наследственного договора и возможность распоряжения будущей наследственной массой при жизни наследодателя превращают в алеа-

торные сделки те наследственные договоры, обязанности по которым наследники должны начать исполнять еще до смерти наследодателя.

В связи с этим не имеет ответа вопрос о том, чем обоснована возможность одной из сторон совместного завещания нарушить свое слово и отказаться в одностороннем порядке от договоренностей. Она в действительности не обоснована ничем, кроме опасений за судьбу того супруга, кто впал в заблуждение или был обманут при составлении совместного завещания. Эти опасения высказывались на всех стадиях обсуждения законопроекта и сохранились на стадии его принятия, хотя отчасти они могли быть сняты за счет введения обязательной видеофиксации процедуры удостоверения совместного завещания (п. 5.1 ст. 1125 ГК РФ) и запрета на составление закрытого совместного завещания, «чрезвычайного» совместного завещания или совместного завещания, приравненного к нотариально удостоверенным.

Абсурдность сложившегося положения усугубляется тем, что в абзаце пятом п. 4 ст. 1118 ГК РФ «право передумать» предоставлено супругу даже после смерти другого супруга, который уже не сможет отреагировать на изменение позиции стороны по сделке и предпринять шаги в защиту своих наследников.

Впрочем, спешу добавить разочарований — на протяжении многих лет не меняется в лучшую сторону практика оспаривания любых завещаний, не только совместных. Несмотря на то, что завещания составляются с использованием квалифицированной (нотариальной) формы, суды находят основания усомниться в последней воле завещателя, фактически не доверяя системе нотариата. На этом фоне недоверие к совместному завещанию не выглядит из ряда вон выходящим.

— Вопрос о влиянии нового завещания одного из супругов на силу совместного завещания в действующем законе оставлен открытым. На Ваш взгляд, какие последствия должны наступать в данном случае? Выработан ли судебной практикой какой-либо однозначный подход по этому вопросу в настоящее время?

— Значимой судебной практики по этому вопросу в настоящее время нет, надеюсь, она появится нескоро и у нас будет еще время, чтобы вернуться к доработке модели совместного завещания.

Последующее завещание одного из супругов, раз уж оно признано нашим законом более сильным, чем совместное завещание, разумеется, отменяет совместное завещание в той части, где они по содержанию пересекаются. В противном случае не было бы никакого смысла уведомлять второго супруга о факте составления последующего завещания (абзац шестой п. 4 ст. 1118 ГК РФ). Однако я бы предложила такое суждение лишь для случаев, пока оба супруга живы, т.е. имеют возможность сообща составить новое совместное завещание либо порознь совершить каждый свое отдельное волеизъявление.

Однако в случае, когда один из супругов умер, все гораздо сложнее.

Дело № 2-484/2022, рассмотренное Приморским районным судом Архангельской области, Архангельским областным судом и Третьим кассационным судом общей

юрисдикции, в каком-то смысле является «пионерским» и выступит, я надеюсь, подспорьем в законопроектной работе. В этом случае переживший супруг после открытия наследственного дела и вовлечения в него потенциальных наследников по совместному завещанию заявил об отмене совместного завещания, но суды пришли к выводу о том, что «завещательные распоряжения умершего супруга, имеющиеся в совместном завещании, должны быть исполнены после его смерти вне зависимости от действий пережившего супруга после открытия наследства».

Как я уже говорила, в случаях такого рода оппортунистического поведения пережившего супруга у противной стороны просто нет возможности защититься, так как этой стороны сделки уже нет в живых. Значит, до корректировки законодателем института совместного завещания суды должны предоставить защиту правопреемникам умершего. Не исключаю, что одним из инструментов их защиты может быть тезис о недобросовестности пережившего супруга, чье поведение, мягко говоря, противоречиво.

— Проблема завещательных распоряжений под условием длительное время является предметом доктринальной дискуссии. В результате реформ условные завещательные распоряжения допустимы в наследственном договоре, если наступление условия верифицируется на момент открытия наследства. Можно ли заключить, что такое регулирование переводит в разряд бесспорных и вопрос о допустимости аналогичных условий в завещании?

— Вопрос о постановке определенных правовых последствий в зависимость от некоторых вероятных событий или действий, как представляется, в нашем праве успешно разрешен. Я имею в виду положения ст. 327.1 ГК РФ, которые в 2015 году, как видится, не только затмили собой тезис о запрете потестативных условий в сделках, но и разрушили множество иных преград для частной автономии.

Кстати, спешу заметить, что дозволение, которое в этой статье содержится, вошло в наше право гораздо раньше, в 1996 году, но мало кто его заметил или воспринял всерьез. Возможность обусловить те или иные имущественные последствия поведением стороны сделки была предусмотрена п. 2 ст. 42 СК РФ, и практически все комментарии этой нормы ее подтверждают.

Сейчас, спустя много лет после реформы части первой ГК РФ, довольно странно запрещать наследодателю ставить имущественные последствия в зависимость от поведения наследников. Если это можно делать живым людям, почему это должно быть запрещено после смерти?

Прежний довод разработчиков первоначальной редакции части третьей ГК РФ о том, что завещание под условием может ограничить права и свободы наследника, вряд ли в полной мере актуален. У наследника всегда есть выбор.

Во-первых, желание наследодателя наделить наследника имуществом лишь при условии совершения им определенных действий не лишает наследника никаких прав, так как до смерти наследодателя у наследника нет прав и притязаний, а наследодатель вправе еще при своей жизни распорядиться своим имуществом, заодно сделав само завещание бессмысленным.

Во-вторых, наследник по завещанию вправе отказаться от наследства, считая, что требование о выполнении определенного условия для него неприемлемо, и если он при этом не является наследником по закону, то у него и не было никаких шансов рассчитывать на получение наследственной массы.

В-третьих, если наследник по завещанию одновременно является наследником по закону, он может не принимать наследство по завещанию и ограничиться принятием наследства по закону (абзац второй п. 2 ст. 1152 ГК РФ), что уже гарантирует такому наследнику необходимый минимум возможностей.

В-четвертых, если такой наследник имеет право на обязательную долю, его интересы тоже будут защищены максимально возможным образом.

Под всеми этими контрдоводами находится все тот же тезис, который был озвучен в начале нашего интервью, — примат воли наследодателя, уважение к нему и его интересам. И.А. Покровский призывал нас уважать всякую, даже чудаческую личность, и мне этот призыв очень близок. Думаю, запрет выражать свою индивидуальность куда как хуже возможных и крайне редких чудачеств.

Поэтому, отвечая на Ваш вопрос, скажу, что условия, которые наследодатель требует выполнить, возможны не только в наследственном договоре, но и в любом обычном завещании.

— Вы также руководили рабочей группой по подготовке проекта федерального закона «О нотариате и нотариальной деятельности». В контексте этой темы нам было бы интересно узнать Ваше мнение о концепции аутентичных актов (исчерпывающей теории которых в отечественной науке пока не разработано). Дело в том, что действующие процессуальные законы не требуют доказывания обстоятельств, подтвержденных нотариусом при совершении нотариального действия (ч. 5 ст. 61 ГПК РФ, ч. 5 ст. 69 АПК РФ). Но есть ли принципиальная разница с позиции достоверности судебных доказательств между, например, свидетельством о смерти, выданным органом ЗАГС, и свидетельством о наследстве? Не следует ли отечественной доктрине подходить к этому вопросу шире и попытаться достигнуть консенсуса относительно условий аутентичности акта, основания и пределов его доказательственной силы, дать понятие и перечень таких актов?

— Это весьма интересный вопрос, в котором сочетаются одновременно и процессуальные, и материальные аспекты. Мы много занимались им и, вдохновившись примером континентальных правовых порядков, попытались заложить в проект закона о нотариате общее правило о бесспорности любого нотариального акта, сопровождаемое небольшими исключениями.

Более того, мы предлагали дополнить ГПК РФ и АПК РФ развернутыми статьями о так называемых официальных и частных документах. Если документ исходит от органов государственной власти или от лиц, наделенных публичными функциями, в частности нотариусов, то доказанными считаются все обстоятельства, следующие из такого официального документа, в том числе сведения о фактах, включая дату и место составления документа.

Согласитесь, что такую особую силу уже давно имеют документы, предоставляемые суду органами государственной власти. Однако документы, исходящие от нотариуса, оцениваются судами наряду с иными доказательствами по делу. Нередко изложенные в них обстоятельства, в том числе условия сделок, оспариваются вопреки тому, что процедура нотариального совершения предполагает проверку законности совершаемого в присутствии нотариуса действия или полноценности удостоверяемого им волеизъявления.

Наши коллеги в странах латинского нотариата с большим удивлением воспринимают такой подход, и мы тоже считали, что от него пора избавиться.

Однако это легко написать на бумаге, но чрезвычайно сложно воплотить в жизнь. Бесспорность нотариального акта, возможность лишить его силы только в случае грубого нарушения порядка совершения нотариального действия — идеальная модель, к которой можно и нужно стремиться, но которую невозможно реализовать сейчас. Препятствием для внедрения в наше право такого официального, т.е. практически бесспорного, акта является упомянутое выше недоверие к фигуре должностного лица в целом и к фигуре нотариуса в частности. Это недоверие, увы, сохраняется десятки лет, его причинам нужно посвящать отдельные исследования, которые совместно проводили бы юристы, политологи, социологи и психологи.

Все, что законодатель смог сделать к настоящему времени, — это отразить в ст. 61 ГПК и ст. 69 АПК некоторое подобие концепции официального акта. Увы, в этих нормах не закреплена главная характеристика нотариального акта — его бесспорность, сохраняющаяся до тех пор, пока не доказано грубое нарушение нотариусом процедуры.

— Вопрос о том, какие именно обстоятельства должны обладать повышенным доказательственным значением, остается открытым. Как Вы считаете, не следует ли включать в их число только обстоятельства, воспринятые нотариусом лично (дата, место составления акта, личность сторон и представление ими подписей под изложением текста сделки), и не наделять качеством неопровержимости те из них, которые были установлены нотариусом косвенно — на основании документов, представленных сторонами либо полученных им самим от компетентных органов (например, данных ЕГРН о принадлежности права собственности именно лицу, которое обратилось к нотариусу)?

— Ответ на этот вопрос тоже давно дан, но не в нашем правовом порядке, где процедура совершения нотариального действия должным образом не определена.

Традиции, на которых строится нотариальное дело, требуют, чтобы нотариальный акт или нотариальная надпись подтверждали лишь то, что нотариус наблюдает лично, — ход заседания коллегиального органа юридического лица, ход торгов, производство расчетов между сторонами по сделке, подлинность проставленной в присутствии нотариуса подписи, верность изготовленной при нотариусе копии, факт нахождения гражданина в определенном месте, факт сдачи денежных средств в депозит в определенной сумме и в определенный день, протест в неплатеже векселя и т.д.

В то же время в целом ряде случаев при совершении нотариального действия задача нотариуса гораздо шире — он не только фиксирует то, что происходит в его присутствии, но и обеспечивает соблюдение законодательства участниками этого процесса.

Поэтому, например, нотариусу нужно обращаться в государственные реестры и получать сведения из них. Сведения, полученные нотариусом из реестров, позволяют ему убедиться в правомерности отчуждения недвижимости, в правомочности участников заседания коллегиального органа и т.д.

Я только что говорила о таком понятии, как официальный документ. Ни суд, ни нотариус не могут не доверять выписке из государственного реестра, на это их нацеливает прежде всего п. 6 ст. 8.1 ГК РФ, который, по существу, тоже посвящен официальному документу — документу, имеющему силу до той поры, пока судебным решением эта сила не прекращена.

Используя в ходе процедуры совершения нотариального действия сведения из государственного реестра, нотариус выполняет основную свою задачу, состоящую в обеспечении соблюдения законодательства.

Его осмотрительность, если Ваш вопрос сводится именно к этому, должна быть иной, нежели осмотрительность любого участника гражданского оборота. Нотариус — профессионал, поэтому он в состоянии оценить любые документы и факты, попадающие в поле его зрения, и дать им оценку с тем, чтобы предотвратить нарушение закона при совершении нотариального действия. Предоставляемые сторонами документы — это частные документы, о которых я уже упоминала. При подготовке проекта закона о нотариате мы предлагали закрепить в процессуальных кодексах, что суд вправе усомниться в обстоятельствах, вытекающих из частных документов, и рассмотреть иные доказательства, подтверждающие эти обстоятельства.

Совершенно очевидно, что усомниться в частных документах может и нотариус. Результатом таких сомнений, скорее всего, станет отказ в совершении нотариального действия и, возможно, последующее оспаривание этого отказа.

— В сфере Ваших исследовательских интересов большое место занимает семейное право. В контексте основной темы нашего номера нам было бы интересно узнать Ваше мнение о семейной медиации. Необходимо ли ее выделение? Оправдано ли это с точки зрения специфики материально-правовых норм, регулирующих отношения между супругами, родителями и детьми?

— Разумеется, мир был бы гораздо счастливее, если бы семейные споры не перерастали в острые конфликты, а были бы урегулированы во внесудебном порядке. Что для этого нужно?

Принято говорить о недостаточно развитой в нашем обществе культуре медиации, однако мне представляется, что для ее становления и укрепления еще должны сформироваться определенные социально-экономические предпосылки.

Сейчас у всех на слуху ожидаемое в ближайшее время резкое увеличение размеров государственной пошлины, взимаемой при обращении в суд. Вероятно, одним из нескольких мотивов этого законодательного решения является стимулирование сторон спора к достижению соглашения во внесудебном порядке. В то же время вряд ли наш законодатель сделает условия подачи заявления в суд трудновыполнимыми для тех категорий граждан, кто не обладает достаточными средствами и выступает в защиту ряда элементарных прав, прежде всего права на получение содержания.

Но и тех, кому правосудие будет доступно в прежней степени, тоже хотелось бы нацелить на мирное урегулирование семейных споров. Это как минимум избавляет от целого ряда хлопот и временных затрат.

Может ли существовать специальная семейная медиация? Уверена, что да. Оправданно ли ее выделение? Нет сомнений в этом.

Как человек, который занимается семейным правом около 30 лет и имел отношение к целому ряду бракоразводных дел, споров об алиментах и разделе общего имущества, могу сказать, что консультирование сторон семейного спора и выведение этого спора в стадию согласования позиций требует особых познаний и особых подходов. Это ведь тот случай, когда главной выгодой каждой из сторон спора должно стать не то имущество, которое они смогут получить от противной стороны, а их доброе имя и уважение к ним со стороны их детей и внуков. Если обе стороны спора это примут и поймут, медиатора можно поздравить.

— Обсуждается также возможность введения обязательной медиации по некоторым категориям споров, в частности по спорам о расторжении брака при наличии у супругов несовершеннолетних детей. Как Вы оцениваете данную идею?

— Принудительную досудебную медиацию в бракоразводных процессах поддержать не могу.

Мы в Исследовательском центре постоянно занимаемся экспертизой законопроектов, и недавно к нам поступал такой проект, на который было дано отрицательное заключение. Позвольте мне здесь процитировать свою позицию, высказанную в заключении: «Введение обязательного примирительного этапа для такой категории судебных споров, как споры о расторжении брака, вступило бы в противоречие с рядом принципиальных положений Конституции Российской Федерации, гарантирующих свободы личности, а также со статьей 1 СК РФ, закрепляющей принципы свободы и добровольности брачного союза мужчины и женщины, а следовательно, и свободу расторжения данного союза. Очевидно, что сторона, настойчиво заявляющая о своем категорическом нежелании состоять в браке, демонстрирует тем самым непоправимый распад семьи и не может быть понуждена к сохранению брака. Принудительное сохранение брака на период обязательных примирительных процедур при том условии, что одна из сторон брачного союза стремится его покинуть как можно скорее, было бы недопустимым ограничением прав и свобод человека, а также породило бы целый ряд несправедливых последствий. Так, в случае такого принудительного пребывания в браке продолжала

бы свое действие презумпция отцовства мужа (бывшего мужа) матери ребенка, которую в случае смерти этого гражданина не смогут оспорить его наследники. Супруг или супруга, возражающие против развода, может скончаться во время длительных процедур примирения, что будет означать призывание к наследованию в качестве наследника первой очереди того человека, отношения с которым стремился прекратить умерший, но из-за обязательных процедур примирения не успел этого сделать».

Эти и другие доводы, опять-таки основанные на уважении к личности, не позволяют согласиться с тем, что совершеннолетнего дееспособного человека, осознанно решившего прекратить брак, нужно заставлять помириться, как ребенка. Строго говоря, не может быть поддержано такое психологическое насилие и над детьми.

Сказанное не отменяет значимости медиации при разделе общего имущества супругов, при решении ими вопросов о месте жительства детей и о порядке их содержания.

— Представляется, что отсутствие специальной теоретико-практической подготовки и требований к наличию базового образования медиатора может сделать как минимум бесполезным, а как максимум — опасным по последствиям участие сторон в предлагаемой обязательной медиации. Следует ли, на Ваш взгляд, предъявлять какие-либо дополнительные требования к медиатору по семейным вопросам?

— Возможно, такому специалисту все-таки потребуется углубленный курс семейного права.

— Наш номер посвящен в том числе и заключению мировых соглашений. Мировое соглашение утверждается судом и с этого момента порождает процессуальные и материально-правовые последствия. При этом ядром такого соглашения по большому счету является гражданско-правовая сделка. В связи с этим возникает целый ряд вопросов о возможности применения к таким соглашениям отдельных норм ГК РФ об обязательствах и договорах. Как Вы считаете, порождает ли мировое соглашение какие-либо правовые эффекты до его утверждения судом? Может ли из такого соглашения вытекать обязательство поддержать утверждение соглашения в суде либо каждая из сторон свободна отозвать свое согласие до утверждения?

— В современной литературе немало хороших работ, в которых содержится ответ на Ваш вопрос. Я присоединюсь к тем коллегам, которые рассматривают мировое соглашение как один из возможных этапов жизни обязательства, как соглашение о новации, отступном, прощении долга и тому подобную сделку, меняющую содержание обязательственного правоотношения.

Особенность данного соглашения лишь в том, что, возбудив производство и не отказавшись от его завершения, стороны желают придать этой сделке особую силу.

Представьте, если бы точно такое же по содержанию соглашение было бы достигнуто спорящими сторонами, ни одна из которых еще не обратилась в суд. Чем бы оно было? Оно было бы тем самым частным документом, о котором уже упоминалось выше. Кроме некоторого недоверия всех третьих лиц, особенно представителей властей, к такому документу существовал бы также риск его неисполнения. Для принудительного исполнения по этой сделке одной из сторон придется обратиться в суд.

Мировое соглашение, утвержденное судом, открывает дорогу в исполнительное производство, что дает этой сделке мощное преимущество перед обычными соглашениями об изменении или прекращении обязательства. Еще одним огромным его плюсом является то, что оно по определению не может быть недействительным, ведь суд не вправе утвердить соглашение, которое нарушает права и законные интересы других лиц и противоречит закону (ч. 3 ст. 139 АПК РФ).

Думаю, мировое соглашение может считаться заключенным лишь с момента утверждения его определением суда. Из соглашения, заключенного и подписанного сторонами, но не утвержденного судом, правовые последствия возникнуть не могут. Невозможно и понуждение к исполнению такого мирового соглашения, как Вы упомянули, путем обязания стороны поддержать это соглашение перед лицом суда.

Каждая из сторон такого соглашения вправе надеяться на проверку законности мирового соглашения, которая предоставлена только суду. В ходе рассмотрения вопроса об утверждении мирового соглашения может выясниться, что часть его условий противоречит закону, поэтому суд может предложить сторонам исключить из соглашения такие условия.

Иной подход дал бы возможность принудительного исполнения еще не проверенного, негодного частного документа. Именно поэтому мировое соглашение должно превратиться из частного в официальный документ и исходить от суда, проверившего его законность, а не от сторон.

— Возможно ли, на Ваш взгляд, оспаривание сделки, составляющей содержание мирового соглашения, отдельно от обжалования судебного акта, которым такое мировое соглашение утверждено?

— По причинам, которые я уже перечислила, невозможно. Мировое соглашение есть не просто результат совпадения воли его сторон. Это их воля, прошедшая судебную проверку.

— Как Вы считаете, применимы ли общие положения о расторжении договора для сделки, составляющей содержание мирового соглашения? Возможно ли расторжение мирового соглашения в случае его нарушения и в какой форме оно осуществляется?

— В этом вопросе я, возможно, не совпаду во мнении с коллегами, которые институт мирового соглашения исследуют давно и всесторонне.

Разумеется, принципы гражданского права — действие своей волей и в своем интересе, свобода договора — допускают возможность заключения между этими сторонами новой сделки по поводу прежнего предмета.

Однако стороны такой сделки могут рассчитывать лишь на ее добровольное и добросовестное исполнение. Если одна из сторон спустя время все же предъявит судебному приставу исполнительный документ, выданный на основании определения об утверждении мирового соглашения, полагаю, у судебного пристава не будет оснований не совершать исполнительных действий. Судебный акт вступил в силу и не отменен, а взыскатель обратился с заявлением о возбуждении исполнительного производства.

Другой стороне этого конфликта порекомендую лишь взыскать убытки, вызванные нарушением обязательств по новой сделке, а точнее — противоречивым, недобросовестным поведением стороны, согласившейся на новые условия обязательства, но вопреки этому использовавшей ранее полученный ею инструмент защиты — определение суда об утверждении мирового соглашения.